

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

 К.В. Анисимов

«26» июня 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.01 Филология

ЛИРИКА А.А. ФЕТА В РЕЦЕПЦИИ И.А. БУНИНА

Научный руководитель

д-р. филол. наук,
доц. Е.Е. Анисимова

Выпускник

А.С. Одинцова

Нормоконтролер

Я.В. Баженова

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. А.А. ФЕТ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И.А. БУНИНА.....	7
1.1. Русские писатели XIX в. в эстетике и житнетворчестве Бунина.....	8
1.2. Восприятие лирики А.А. Фета в личных документах, письмах и мемуарах И.А. Бунина.....	18
1.3. Бунинская рецепция творчества А.А. Фета в литературной критике и литературоведении.....	21
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	27
ГЛАВА 2. ФЕТОВСКИЙ СЛЕД В ЛИРИКЕ И ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА.....	29
2.1. Пейзажная лирика А.А. Фета и И.А. Бунина: компаративный аспект.....	29
2.2. Библейские мотивы в творчестве А.А. Фета и И.А. Бунина.....	33
2.3. Стихи А.А. Фета в лирической прозе И.А. Бунина.....	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	53

ВВЕДЕНИЕ

В истории литературы важную роль занимает механизм художественной рецепции. Отцами-основателями рецептивной эстетики являются Х.Р. Яусс и В. Изер, а концепция диалога, в русле которой создавалась эта теория, принадлежит М.М. Бахтину. «В центре внимания основоположников рецептивной эстетики находились, прежде всего, закономерности восприятия текста во времени» [Анисимова, 2016: 7].

Ю.М. Лотман предложил ключевую формулу творчества Бунина как «переписывания классики». В «перепевах» Бунина он находит «более общий смысл»: «Именно в этой перспективе раскрывается Бунин-новатор, желающий быть продолжателем великой классической традиции в эпоху модернизма, но с тем, чтобы переписать всю эту традицию заново» [Лотман, 1997: 731].

Творчество И.А. Бунина тесно связано с русской классической литературой. Писатель постоянно ощущал свою принадлежность к литературной традиции и сделал ее частью своей житнетворческой программы. Литературоведческие исследования показали уникальность намерения Бунина «переписать» классику в эпоху модернизма [Марченко, 2010].

Творческий путь Бунина отличался от творческого процесса классиков XIX века. Бунин переделывает ранее написанные тексты с целью создания своего авторского высказывания на одну из уже существующих классических тем, причем делает это так, что восприятие бунинского текста предполагает рассмотрение его версии на фоне текста предшественника. Образно говоря, Бунин вышивает свой литературный узор на фоне художественного узора одного из своих предшественников. И в этом смысле для него не существует понятия «завершенный текст».

Бунин являлся защитником классических заветов русской литературы. В современной ему литературе писатель наблюдал «разрыв времен», потерю

корней. В октябре 1913 года на юбилее газеты «Русские ведомости» Бунин рассказал о своем отношении к поэзии модернистов: «<...> за последние двадцать лет <...> литература <...> находилась в периоде во всяком случае, болезненном, в упадке, в судорогах и метаниях из стороны в сторону. <...> писатель <...> попал в струю тех течений, что шли с Запада, – и охмелел от них и внезапно заявил, что и он “декадент”, “символист” <...> Послушайте писателя нового типа: он <...> скажет вам, что он создал несметное количество новых ценностей, преобразовал прозаический язык, возвел на высоту и обогатил стихотворный, затронул глубочайшие вопросы духа, “выявил” новую психику <...>, он, не стыдясь, назовет себя “мудрым”, “многогранным”, “дерзновенным”, “солнечным”... А меж тем, за немногими исключениями, не только не создано за последние годы никаких новых ценностей, а, напротив, произошло невероятное обнищание, оглушение и омертвление русской литературы. <...> Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота <...>» [Бунин, 1973: 317].

Отсюда следует, что писатель критиковал модернистов за их экспериментальный стиль и отклонение от традиционных форм. Он считал, что поэзия должна быть ясной, доступной и проникнутой глубокими чувствами, а не напыщенной и формальной. Бунин отмечает тлетворное влияние Запада как негативный фактор, ущемляющий уникальные черты русской культуры и литературного наследия. Не мог смириться с направлениями современной ему литературы, проблемами, которые в них освещаются, поэтическим языком.

По наблюдению Т.М. Двинятиной, для писателя не существовало разницы между направлениями модернистской литературы. Они все были ему чужды. Бунин не мог принять новую литературу [Двинятина, 1999]. Д. Выгодский писал: «<...> среди этой молодой и почти совершенно бесплодной поросли одиноко стоит Ив. Бунин, истинный классик, истинный реалист. Поэт пушкинской школы в лучшем смысле этого слова, все время не

принимающий участия в борьбе школ и теоретических распрях, не кричащий о своей современности, <...> он, однако, приковывает к себе взоры и заставляет следить за его путем, неуклонно идущим вверх. Бунин один из немногих поэтов, который на протяжении почти тридцатилетнего поэтического пути своего никогда не застывал, и до сих пор каждая его книга его есть действительно, новый шаг, новое достижение» [Цит. по: Двинятина, 1999: 19].

Рецептивное осмысление творческого наследия А.А. Фета было предпринято И.А. Буниным. Недаром говорят, что автор «Темных аллей» является наследником литературной линии поэта. В целом ряде произведений этих писателей наблюдаются межтекстовые связи, которые будут проанализированы в данной работе.

Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения, во-первых, к проблемам художественной рецепции [Бахтин, 1986; Изер, 1999; Яусс, 1994]; во-вторых, к межтекстовым связям в художественных произведениях И.А. Бунина и русских писателей-классиков [Анисимова, 2016; Бабореко, 2004; Двинятина, 1999; Есикова, 2018; Кириллов, 2016; Климова, 2018; Кулабухова, 2020].

Новизна исследования заключается в том, что проблема рецепции поэзии А.А. Фета И.А. Буниным в литературоведении еще подробно не рассматривалась.

Объектом исследования является рецепция русской классики в отечественной литературе конца XIX – первой половины XX в.

Предмет исследования – рецепция творчества А.А. Фета в лирике и лирической прозе И.А. Бунина.

Материалом исследования послужили стихотворения А.А. Фета, лирика и малая проза И.А. Бунина, а также личные документы, письма и мемуары писателей.

Цель исследования состоит в изучении рецепции лирики А.А. Фета в творчестве И.А. Бунина.

Цель исследования определяет следующие **задачи**:

- 1) проанализировать восприятие лирики А.А. Фета в личных документах, письмах и мемуарах И.А. Бунина;
- 2) выявить бунинскую рецепцию творчества А.А. Фета в литературной критике и литературоведении;
- 3) сравнить пейзажную лирику А.А. Фета и И.А. Бунина;
- 4) определить «след» А.А. Фета в лирической прозе И.А. Бунина.

Методологической базой исследования стали основополагающая статья Ю.М. Лотмана о переосмыслении («переписывании») классики в творчестве И.А. Бунина [Лотман, 1997], труды Т.М. Двинятиной о сопоставительном анализе поэтических систем [Двинятина, 1999], а также работы Е.Е. Анисимовой о рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века [Анисимова, 2016].

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее результатов в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных истории русской литературы и творчеству И.А. Бунина.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представления о рецептивном осмыслении классики в литературе XX века.

Структура работы. Основная часть работы состоит из введения, двух глав, в конце дается заключение и приводится список литературы (82 наименования). В первой главе «А.А. Фет в творческом сознании И.А. Бунина» описана связь творчества автора «Тёмных аллей» с русской классической литературой, рассмотрены личные документы, письма и мемуары И.А. Бунина, проанализирована литературная критика бунинской рецепции А.А. Фета. Вторая глава «Фетовский след в прозе И.А. Бунина» посвящена аллюзиям на стихотворения поэта XIX века в лирике и лирической прозе нобелевского лауреата. В Заключении приводятся результаты проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

ГЛАВА 1. А.А. ФЕТ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И.А. БУНИНА

И.А. Бунин считается продолжателем русской классической традиции. Новаторство писателя, с точки зрения Ю.М. Лотмана, заключается в разработанной им поэтике «переписывания» классики. В своих произведениях писатель придерживался консервативных взглядов. Он не принимал новые веяния эпохи. Ему были чужды современные направления в литературе. Испытывая тоску по родине в период эмиграции, Бунин все чаще ностальгирует, обращается к классическим традициям. Писатель реконструирует мир, существовавший в русской литературе, в котором ему видится правдивая реальность.

Бунин выделял две литературные линии. Первая – столичная, петербургская, к которой испытывал неприязнь. Писатель уверял, что деятельность модернистов, ставших представителями петербургской традиции, способствовала обнищанию литературы. Бунин относил себя ко второй литературной линии, представителями которой были Пушкин, Жуковский, Тургенев, Толстой, Тютчев, Лесков, Фет, и связанной с культурой дворянских усадеб [Лотман, 1997: 741–742]

Таким образом, по мнению Ю.М. Лотмана, И.А. Бунин был исключительно талантлив в своем искусстве «переписывания» классики. Писатель не просто копировал классические образцы, а перерабатывал их, придавая новое звучание и смысл. Исследователь видел в работах Бунина не только передачу литературного наследия, но и своего рода диалог с предшественниками, что делало его произведения особенно ценными и проникнутыми глубоким художественным смыслом. «Переписывание» классикой литературы становится ключевой «формулой» творчества Бунина.

1.1. Русские писатели XIX в. в эстетике и житетворчестве Бунина

Творческое сознание И.А. Бунина пронизано прозой и лирикой русских писателей-классиков. Мастера слова оказали значительное влияние на произведения писателя, сыграли большую роль в формировании его дальнейшего стиля и языка, сформировали тонкое чувство красоты, показали глубину человеческой души.

Существенный вклад в художественное сознание Бунина внес А.С. Пушкин. Иван Алексеевич ориентировался на классическую традицию. Отголоски поэтики Пушкина видятся в описании величия русской природы, внимании к деталям и проникновенности в человеческие чувства.

Свое отношение к поэту, Бунин выразил в своей статье «Думая о Пушкине». Автор «Антоновских яблок» делится теплыми воспоминаниями: «А потом – первые блаженные дни юношества, первые любовные и поэтические мечты, первые сознательные восторги от чтения тех очаровательных томиков, которые я брал ведь не из “публичной библиотеки”, а из дедовских шкапов и среди которых надо всем царили – “Сочинения А. Пушкина”» [Бунин, 1926: 167].

Эстетический вкус Бунина формировался в юношеские годы. Будущий писатель проводил свой досуг за чтением художественной литературы. Его интерес к книгам, возможно, обусловлен семейным чтением. Как мы видим, дед Бунина, Николай Дмитриевич, имел собственную библиотеку, в которой особое место отводилось трудам А.С. Пушкина. Именно эти сочинения интересовали Ивана Алексеевича.

Больше всего в молодости Бунин любил поэзию Пушкина, которая рождала в нем целый спектр эмоций.

Строки поэта сопровождали Бунина в любых жизненных ситуациях. Например, «Вот я радостно просыпаюсь в морозный день, и как же мне не повторить его стихов, когда в них как раз то, что я вижу: “Мороз и солнце, день чудесный...” Вот я собираюсь на охоту – “и встречаю слугу, несущего

мне утром чашку чаю, вопросами: утихла ли метель?”. Вот зимний вечер, вьюга –и разве “буря мглою небо кроет” звучит для меня так, как это звучало, например, для какого-нибудь Брюсова, росшего на Трубе в Москве? Вот я сижу в весенние сумерки у раскрытого окна темной гостиной, и опять он со мной, выражает мою мечту, мою мольбу: “О, Делия драгая, спеши, моя краса, звезда любви золотая взошла на небеса...” Вот уже совсем темно, и на весь сад томится и цокает соловей, а он спрашивает: “Слыхали ль вы за рощей в чае ночной певца любви, певца своей печали?”»[Бунин, 1926: 167]

Таким образом, любимый прием Бунина – цитирование. Цитаты писатель использует для созерцания окружающей мира. Он ценит в поэзии Пушкина умение выразить красоту природы.

Бунин считает, что стихотворения Пушкина способны выразить душевные терзания. И это совершенно верно. Александр Сергеевич был великолепным поэтом, способным передать сложные эмоции, включая муки любви, через свои стихотворения. В его произведениях можно увидеть глубокую эмоциональную гамму, от восторга и страсти до горя и отчаяния, связанных с любовью. Его поэзия является великим примером того, как через слова можно передать сложные чувства и переживания.

Иван Алексеевич вспоминает теплый весенний день. Писатель наслаждается природой и пением птиц, читает стихотворение Пушкина «Блаженство», наполненное элементами античности. Почему именно это произведения выбирает Бунин для описания своих чувств? В лирическом герое Бунин видит себя. Он молод, впереди его ждет взрослая жизнь. Затронута также проблема разочарования в любви.

«“Как привидение, за рощею сосновой луна туманная взошла”, – говорю я его словами, страстно мечтая о той, которая где-то там, в иной, далекой стране, идет в этот час “к брегам, потопленным шумящими волнами”–и как я могу определить теперь: бог посылал мне мою тогдашнюю муку по какому-то прекрасному и печальному женскому образу или он, Пушкин?» [Бунин, 1926: 167].

Бунин обращается к стихотворению А.С. Пушкина «Ненастный день потух...», посвященному графине Е.К. Воронцовой. Воспоминания отсылают лирического героя в прошлое, навеивают «мрачную тоску» по любимой женщине. Стихотворение пронизывает тема несчастной любви. Бунин предается настроению произведения, пытается разгадать таинственный женский образ в нем.

Бунин делится воспоминаниями первых поездок в Крым. На ум ему приходит стихотворение «Волшебный край» Пушкина, которое передает восторг крымским пейзажем. Во время поездки Бунин невольно вспоминает строки поэта. Перед ним предстает живописная картина: холмы, леса, тополя.

Пушкин был частью жизни писателя. Его строки сопровождали Бунина всюду в юношеские годы. Обратимся к роману «Жизнь Арсеньева», в котором цитируется пролог поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Этим автор подчеркивает «кровную принадлежность» героя к классической литературной традиции, раскрывает его внутренний мир: «Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни. Когда он вошел в меня? Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне “нашего” по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним» [Бунин, 1930: 306].

Бунин выбирает именно эту поэму Пушкина неслучайно. Героя пленила загадочность, эстетика, необъяснимость произведения. Алексея Арсеньева прельщают сказочные образы: «ученый» кот, леший, русалка и т.д. Думается, именно фольклорные элементы пролога позволяют персонажу проникнуть в таинство «русской души».

В произведении автор также упоминает Н.В. Гоголя. Больше всего герою пришлось по душе “Старосветские помещики” и “Страшная месть”. Строки этих произведений он хранил в своей памяти с детства.

Г.П. Климова в своем исследовании «Художественная система И.А. Бунина в контексте русской классической литературы» анализирует

реализм Гоголя, в который писатель вносит фантастические и символические детали. Благодаря этому он подчеркивает необычность и красоту мира в своих произведениях. По мнению исследователя, Бунин является продолжателем гоголевской традиции. Гоголь повлиял на писателя не только художественно, но и нравственно [Климова, 2018: 13].

В поэтическом наследии Бунина мы видим типологические схождения с творчеством Е.А. Баратынского. Стихотворения поэтов показывают слияние человека с природой:

«Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он <...>
Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!» [Баратынский, 1832: 271]

Такие же мотивы мы видим в поэзии Бунина. Лирический герой становится словно частью природы.

В стихотворении «Печаль ресниц, сияющих и черных...» наблюдается следующая аллюзия на поэзию Баратынского:

«Зачем же воскресаешь ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?» [Бунин, 1906: 418]

Слово *несрочная* отсылает нас к стихотворению Баратынского «Запустение»:

«Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,

Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу» [Баратынский, 1832: 271].

Данную отсылку мы находим и в рассказе Бунина «Несрочная весна», название которого является цитатой стихотворения Баратынского.

Обратимся к научной работе Е.В. Капинос «Элегический сюжет рассказа И. Бунина “Несрочная весна”». Исследователь утверждает, что старинная усадьба, о которой идет речь в «Несрочной весне», олицетворяет Россию, уничтоженную революцией. Поэтому процитированный отрывок элегии Баратынского, в которой говорится о посещении покинутых мест, дополняет рассказ.

Капинос сравнивает спрятанную усадьбу с могилой, в которой отражена смерть героя, окружающего его мира, наконец, истории в целом [Капинос, 2008: 7].

Исследователь, сопоставляя оба произведения, видит вертикаль, которая направляется вниз: «как и в элегии Баратынского, герой Бунина все время подвигается к смертельной черте, за которой исчезают предыдущие поколения (“там прохладно и вечная тень”, “мрачные ущелья елей и сосен”, “больших черных птиц с траурным веером”, “бор, мрачный и гулкий”, “бальзамическое тепло нагретой за день хвои”, “я пустился в непроглядную темноту склепа” и пр.)» [Капинос, 2008: 7].

Таким образом, мы наблюдаем, что стихотворение Баратынского пронизывает весь рассказ от начала и до конца.

Важную роль в его жизни и творчестве занимала личность В.А. Жуковского, кровным родством с которым Бунин очень гордился. «Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей, как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальмы» [Бунин, 1952: 143], – писал Бунин. В своих

дневниковых записях Бунин предполагает, что интерес к писательству, возможно, обусловлен на генетическом уровне. Бунин происходил из дворянского рода. В лучших традициях русского дворянства было увлечение литературой. Среди его предков было много тех, кто тяготели к писательству: «Писателем я стал, вероятно, потому, что это было у меня в крови: среди моих дальних родичей Буниных было не мало таких, что тяготели к писательству, писали и даже печатали, не приобретя известности, но были и такие, как очень известная в свое время поэтесса Анна Бунина, был знаменитый поэт Жуковский, сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки, получивший фамилию своего крестного отца Жуковского только потому, что был он сыном незаконным. Я еще мальчиком слышал много рассказов о нем в нашем доме» [Муромцева-Бунина, 1989: 188].

В творческом сознании И.А. Бунина размышления о родстве с В.А. Жуковским наводят на мысли о наследственности как факторе, определяющем писательский дар. «Вопросы крови» сказались в переводческой деятельности Бунина, повлияв на принципы отбора материала [Анисимова, 2016]. Так, Бунин осуществляет перевод тех авторов, которые привлекли в свое время Жуковского как переводчика. Во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. Бунин переводит «Лесного царя» И.В. Гете и отрывок из «Лаллы Рук» Т. Мура, поэзия которого вошла в русскую культуру благодаря переводам Жуковского.

В 1886 г. Бунин перевёл балладу Гете. В своей первой книге «Стихотворения 1887–1891 гг.» писатель опубликовал отрывок «Из сказки “Солнце гарема” Т. Мура». В «Жизни Арсеньева» Бунин рассказал о своей первой пробе пера в качестве переводчика: «Родилась во мне тогда мысль стать вообще переводчиком, открыть себе впоследствии источник не только неизменных художественных наслаждений, но и существования» [Бунин, 1988, т. 5: 130].

Бунин высоко оценил себя как переводчика: «Я хороший стихотворец и, – простите! простите! – замечательный переводчик (не хуже Василия Афанасьевича Бунина (sic!), ставшего волею судьбы Василием Андреевичем Жуковским)» [Бабореко, 2004: 158].

Мотив наследственности звучит во многих произведениях Бунина. Его можно заметить в рассказе «Зойка и Валерия» (1940) у главного героя, Левицкого, наблюдается схожесть с Жуковским. Он является носителем славянской и восточно-турецкой крови. Как и Жуковский герой застенчивый и влюбчивый: «По причине одиночества и влюбчивости, он (Левицкий. – А.О.) постоянно привязывался к какому-нибудь знакомому дому, скоро становился в нем своим человеком, гостем изо дня в день и даже с утра до вечера, если позволяли занятия, – теперь стал он таким у Данилевских. И тут не только хозяйка, но даже дети, очень полная Зойка и ушастый Гришка, обращались с ним как с каким-нибудь дальним родственником. Был он с виду прост и добр, услужлив и неразговорчив, хотя с большой готовностью отзывался на всякое слово, обращенное к нему» [Бунин, 1988, т. 5: 215].

Е.Е. Анисимова обнаруживает параллелизм этого художественного образа у Бунина с его предком, поэтом XIX в. [Анисимова, 2016]. Сюжетом, связывающимся с образом Жуковского, была любовная история поэта к своей родственнице М.А. Протасовой. В.А. Жуковский писал в своем дневнике 26 августа 1805 г.: «Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видал родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особого участия и потому что всякое участие ко мне казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви» [Жуковский, 2004, т. 13: 27].

Мотив наследственности также звучит в таких произведениях Бунина, как «Суходол» (1912), «Петлистые уши» (1916), «Дело корнета Елагина» (1925) и др. В рассказе «Дело корнета Елагина» фамилия главного героя

ассоциируется с Жуковским. А.П. Елагина являлась близким другом поэта. Киреевские – сыновья А.П. Елагиной. Первый выпуск «Песен, собранных П.В. Киреевским» (1911) обострил интерес Бунина к семье Киреевских-Елагиных. В 1912 г. Бунин начал изучать их биографию, в которой рассматривал родовую ветвь: А.И. Бунин – В.А. Жуковский – А.П. Елагина.

В дневнике от 7 июня 1912 г Бунин пишет: «Читал биографию Киреевского. Его мать – Юшкова, внучка Бунина, отца Жуковского» [Бабореко, 2004: 223].

Таким образом, «семейная мифология определяла литературное творчество, поэтому для вопросов антропологической и литературной наследственности используется, по сути, один язык описания. Эпоха классики XIX в. осознается первым русским писателем – нобелевским лауреатом как движение от его предка „Василия Афанасьевича Бунина” к самому Ивану Алексеевичу Бунину. Для писателя, всегда вербально возвращавшего Жуковскому родовое имя Буниных, эта мысль становится неотъемлемой частью личной мифологии и определяет единство литературной репутации и мотивов наследственности в творчестве» [Анисимова, 2016: 146].

В своем дневнике Бунин неоднократно упоминал И.С. Тургенева. В записях 14 марта 1940 года Иван Алексеевич выражает непревзойденное мастерство писателя, чьи произведения неоднократно перечитывает, как в первый раз. Здесь Бунин отмечает, с каким изяществом написано «Полесье». Тургенева писатель ценит за тонкое, меткое изображение человеческих чувств и эмоций, уникальность образов, внимание к деталям.

21 апреля 1940 года Бунин перечитывает биографические очерки Тургенева. Выражает свое восхищение «Казни Тропмана», «Человеку в серых очках». А также отмечает, что Тургенев интересен не только как писатель, но и как человек.

В. Шкловский в своем исследовании «„Митина любовь” Ивана Бунина» показал связь бунинского произведения с тургеневской традицией.

Влияние И.С. Тургенева прослеживается в пейзажных зарисовках писателя. Темнеющее небо, проплывающие облака, яркое солнце описаны в повести совершенно в манере Тургенева. Исследователь отмечает внимание к деталям, передающим красоту родной природы. Все тонкости переданы в той же мягкой и нежной мелодии слов. В стихотворении «Последний шмель» наблюдается аллюзия на Тургенева в изображении «бархатно-черно-красных» шмелей [Шкловский, 1927: 49].

На элементы усадебного топоса в творчестве Бунина обращает внимание О.А. Богданова в работе «Семиотика аллеи, “где кружат листья”»: Тургенев, Гумилев, Бунин» [Богданова, 2019: 235]. «Темные аллеи» были написаны в послереволюционную эпоху, но символика цикла обращена к прошлому, передает ностальгическое настроение. Исследователь видит истоки тургеневских традиций в изображении аллей.

Таким образом, взятые у предшественника приемы делают пейзаж автора «Митиной любви» более живым, красочным и живописным.

На литературное самосознание Бунина повлиял Л.Н. Толстой, которого писатель считал своим творческим и духовным наставником. Бунин высоко ценил личность и талант писателя-классика. Писатель признавал: «Толстому надо подражать, подражать самым бессовестным, самым беззастенчивым образом. Если меня будут упрекать в подражании Толстому, я буду только рад. <...> Толстому должны подражать все писатели. От этого получится только польза. Другим писателям <...> подражать не следует, Толстому же хорошо: отучишься брехать» [Бабореко, 2004: 268].

Бунин писал о нем в очерках «К воспоминаниям о Толстом» (1926), «О Толстом» (1927), в книге «Воспоминания» (1950), в трактате «Освобождение Толстого» (1937). Лев Толстой также был частью бунинского семейного мифа. По преданию отец И.А. Бунина на военной службе играл с Толстым в карты.

Встреча писателей состоялась в январе 1894 года. Она произвела на Бунина сильнейшее впечатление. 30 января 1894 года Б.Н. Леонтьев описал

эмоциональное состояние Бунина после знакомства со Львом Николаевичем: «Бунин приехал очень огорченный, что так мало провел времени с вами, – вы были главная цель его поездки, – он вас очень любит и давно жаждал знакомства с вами. Он не может спокойно, без волнения говорить о вас» [Гусев, 1960: 57].

Толстой-художник вдохновлял Бунина творить. Писатель признавался, что как только он «услышит имя Толстого, так у него загорается душа, ему хочется писать и является вера в литературу» [Бабореко, 2004: 250]. Смерть Толстого Бунин воспринял «как величайшее личное несчастье, и как утрату, последствия которой скажутся на всей общественной жизни страны» [Бунин, 1967].

Бунин считал своим долгом создать книгу о Толстом. В философско-критическом и биографическом произведении «Освобождение Толстого», опубликованном в 1937 году, И.А. Бунин описал свое отношение к Л.Н. Толстому. Книга является ключом к пониманию произведений Льва Николаевича, его философских и жизненных установок. Николай Гусев об «Освобождении Толстого» говорит: «Книга Бунина представляет совершенно исключительное явление во всей колоссальной литературе о Толстом. Ее основная идея – глубоко справедлива, и Бунину делает честь, что он первый так осветил сокровенную внутреннюю жизнь Льва Толстого» [Бабореко, 2004: 287].

Интерес литературоведов привлекает дружба И.А. Бунина и А.П. Чехова. Многолетняя привязанность к Чехову, вдохновила Бунина написать книгу «О Чехове» (1965), в которой собраны истории, воспоминания о писателе, его высказывания.

Чехов ценил дарование молодого Бунина, давал наставления: «Никому не следует читать своих вещей до напечатания никогда не следует слушать ничьих советов. Ошибся, соврал – пусть ошибка будет принадлежать только тебе...» [Бунин, 1965: 16]. Товарищеские наставления научили Бунина следовать своим принципам, защищая и традиции русской классической

литературы. Несомненно, Чехов внес большой вклад в творчество писателя. Бунин развивает чеховский сюжет, основой которого являются ассоциативные связи, реконструирует структуру рассказа, малой формы, в которой начинает писать об обыденном [Кулабухова, 2020: 32].

Интертекстуальные связи поэзии И.А. Бунина связаны с продолжением традиции. «...Заимствование оказывается или фактом обогащения собственной поэтической системы за счет подключения близких и разработанных фрагментов системы поэта-предшественника, или неким эмблематическим выражением ориентации на его художественный мир и поэтическую систему» [Двинятина, 1999: 132].

Одним из наиболее влиятельных поэтов классиков в творчестве Бунина был А.А. Фет. Сложно переоценить его влияние на формирование поэтического мира И.А. Бунина. Фетовские стихотворения были использованы писателем для создания многих лирических текстов.

Описания бунинского пейзажа схожи с фетовскими. Например, по наблюдению Т.М. Двинятиной, образные составляющие стихотворения А.А. Фета «Чудная картина...» проявились в стихотворениях «Ночь и даль седая...», в котором «параллельны блестящий снег и 'озаренный снег'; метеор зажжется, скорее всего, в небесах высоких, а бег зверя – потому как шорох – слышится на некотором отдалении вдалеке» [Двинятина, 1999: 133].

1.2. Восприятие лирики А.А. Фета в личных документах, письмах и мемуарах И.А. Бунина.

Одним из наиболее влиятельных поэтов классиков в творчестве И.А. Бунина был А.А. Фет. Сложно переоценить его влияние на формирование поэтического мира И.А. Бунина. Фетовские стихотворения были использованы писателем для создания многих лирических текстов. Личные документы Бунина дают ценную информацию о его восприятии текстов Фета.

И.А. Бунин цитировал стихотворения А.А. Фета в своих письмах для выражения своих мыслей и чувств. 22 августа 1890 г. Иван Алексеевич пишет письмо своей первой гражданской жене, В.В. Пащенко, приводя стихотворения поэта «Я тебе ничего не скажу» с некоторыми неточностями в пунктуации: «Прежде, милая Ляличка, я любил тебя все-таки не так. Прежде я любил и моя любовь могла бы выразиться как?

Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть...
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет...
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... Я дрожу...
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу...» [Бунин, 1890: 27]

Бунин неслучайно выбирает данное стихотворение для переписки. Именно оно помогает ему выразить мысли и нежные, трепетные чувства к возлюбленной. Писатель боится потревожить, боится быть навязчивым. Его страшит мысль потерять любимую женщину. Бунина не покидают сомнения в искренности чувств Варвары Владимировны. Лирический герой стихотворения тоже находится в одиночестве, вдаль от возлюбленной. Его мучают тревога и переживания. Герой надеется, что об этих волнениях женщина не узнает.

Следовательно, данное стихотворение Фета Бунин использует в качестве признания в любви Пащенко. Именно это произведение хорошо передает тревожное состояние писателя, вызванное любовными переживаниями.

17 января 1891 г. в письме к возлюбленной Бунин приводит неточную цитату из стихотворения «Великой княгине Елисавете Маврикиевне» (1889), чтобы выразить свою тоску и грусть: «Люблю тебя по-прежнему и скучаю минутами страшно... Варюша! Милая! Думаешь ты сейчас обо мне? Нет, должно быть... Если бы можно было, чтобы каждая моя мысль, каждое ощущение долетали до тебя!

Людские так грубы слова,

Не скажешь – лишь сердце измучишь!» [Бунин, 1891: 46].

Строки стихотворения в письме показывают сложность выражения душевного состояния человека словами. Затрудняется и Бунин в полной мере отразить все свои чувства на бумаге. Этим обусловлен выбор стихотворения.

1 июля 1891 г. в письме Варваре Владимировне писатель приводит неточную цитату А.А. Фета «Теплым ветром потянуло...», чтобы описать хорошие впечатления от прогулки: «Теплым ветром потянуло, смолк далекий гул, степь безмолвная уснула, гуртовщик уснул» [Бунин, 1891: 72].

Процитированные строки Фета в данном случае помогают описать поэтичные минуты прогулки. Бунин наслаждается теплой ночью, природой вокруг. Окружающее вызывает спокойствие и умиротворение. Этим он делится с Варварой Пащенко.

Таким образом, стихи Фета входят в эпистолярный Бунин и становятся языком общения с возлюбленной. Бунин цитирует стихотворения поэта, потому что Фет был мастером в передаче сложных и тонких эмоций. Его стихи наполнены яркими образами, метафорами и сравнениями, которые позволяют погрузиться в глубины чувств. Поэзия Фета обладает замечательной музыкальностью и ритмом. Их приятно читать вслух, что еще больше усиливает их эмоциональное воздействие. Гармония слов и звуков создает атмосферу, в которой чувства могут свободно выражаться. Его произведения отличаются интимностью и сдержанностью. Поэт мастерски изображает тонкие нюансы любви, страсти и печали, не прибегая к чрезмерной демонстративности. Эта интимность делает его стихи личными и

проникновенными. Стихи Фета обладают вневременной притягательностью. Их язык и темы по-прежнему актуальны и трогательны. Они продолжают вдохновлять и утешать читателей разных поколений. Поэтому Бунин использует стихотворения в своих письмах.

И.А. Бунин неоднократно перечитывал А.А. Фета. В 1900 году писатель проживал в Огневке. Там он занимался написанием поэмы «Листопад». Во время работы над произведением, на столе всегда находились ободранные книги стихотворений Фета без обложки [Бабореко, 2004: 122]. «Не выхожу. Больно железу, в горле что-то есть. Летний день. Все читаю Фета. Как много...!» [Бунин, 1917: 103]. «Все читаю Фета (море пошлого, слабого, одно и то же), пытаюсь писать стихи» [Бунин, 1917: 106]. «Вчера еще читал “Вечерние огни” Фета – в который раз!» [Бунин, 1940: 187].

Со временем «происходит переоценка ценностей. Лирика Фета, у которого Бунин еще так недавно учился поэтическому мастерству, теперь подвергается самой резкой оценке с позиций требований к искусству, сформировавшихся в его сознании. В статье, написанной в 1891 г. по поводу выступлений критики, превозносившей Фета как единственного представителя «истинной поэзии», Бунин напоминает: «Сам Пушкин завещал поэту „глаголом жечь сердца людей”», – и продолжает далее: «можно ли „жечь сердца людей” фетовскими стихотворениями?» Вместо ответа он цитирует стихи Фета, сопровождая их ироническими замечаниями» [Лукинова, 2016: 136].

1.3. Бунинская рецепция творчества А.А. Фета в литературной критике и литературоведении

Литературное наследие И.А. Бунина получило признание и похвалу как со стороны читателей, так и со стороны литературных критиков и литературоведов. Исследователи отмечают его мастерство в создании ярких,

живых образов и умение передавать глубину человеческих чувств. Они подчеркивают умение писателя создавать непревзойденные описания природы и психологических портретов. Также выделяется языковое мастерство и умение играть со словами, что делает его тексты богатыми и эмоционально воздействующими. Многие критики наблюдают воздействие фетовской традиции на формирование поэтического мастерства писателя.

К.П. Медведский в статье «Новые лауреаты Академии наук» отмечает, что во многих стихотворениях И.А. Бунина прослеживается влияние А.А. Фета. Например:

«Бушует полая вода, –
Шумит и глухо и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело, и важно <...>
А в полдень лужи у крыльца
Так разливаются и блещут,
Что в нашей детской – без конца
По стенам “зайчики” трепещут...» [Фет, 1892: 53].

Далее абсолютно в манере Фета:

«За рекой поля зазеленели,
Веет легкой свежестью воды;
Веселей по рощам зазвенели
Песни птиц на разные лады.
Ветерок с полей тепло приносит –
Аромат лозины молодой.
О весна! Как сердце счастья просит!
Как сладка печаль моя весной!
Кротко солнце листья пригревает
И дорожки мягкие в саду.
Не пойму, что душу раскрывает
И куда я медленно бреду! <...>

Горько мне, что сердце так устало,
А душа горячих сил полна,
Что для сердца скорбного настала,
Может быть, последняя весна»[Фет, 1893: 68].

Медведский, анализируя стихотворение Бунина «Бушует поля вода...», выявляет в нем поэтические особенности Фета. Однако автор «Темных аллей» не просто «переписывает» произведения своего предшественника, а создает свой уникальный текст. Описанная в нем природа словно оживает. Писателю удалось в манере Фета передать с совершенством звуки[Медведский, 1889: 59]. Погрузившись в произведение, читатель слышит шум воды, пение пролетающих птиц. Эти строки наполнены приятным весенним ароматом. Лирический герой чувствует запахи реки, полей, лозины, листьев.

Исследователь верно заметил, что каждая деталь, которую наблюдал поэт, мастерски, в совершенстве воспроизведена в стихотворении. Бунин прочувствовал каждый момент, передал печальное состояние лирического героя.

По мнению О.В. Михайлова, стихотворения «конца 90-х и начала 900-х годов выдержаны в традициях Фета» [Михайлов, 1967: 39]. Литературовед считает, что поэт создает свой стиль, но в его произведениях чувствуются элементы классической традиции.

«Перед закатом набежало
Над лесом облако – и вдруг
На взгорье радуга упала,
И засверкало все вокруг.

Едва лишь добежим до чащи –
Все стихнет... О, росистый куст!
О, взор, счастливый и блестящий,

И холодок покорных уст!

Дата под стихотворением (1902) доказывает, что написано оно в пору, когда период подражания для Бунина давно прошел. Однако общее настроение, картина летнего дождя, как она выписана, обилие восклицаний (эти знакомые “о”) – все заставляет вспомнить: Фет. Но, однако, в сравнении с Фетом Бунин выглядит строже. Фетовский импрессионизм, раздвинувший пределы поэтической выразительности и вместе с тем уже содержащий в себе черты, подхваченные затем модернизмом, Бунину чужд так же, как чужда ему и смелая фетовская реализация метафор» [Михайлов, 1967: 40].

Т.М. Двинятина в исследовании «Заметки о поэзии Бунина начала 1920-х годов», утверждает, что элегические тексты писателя ориентированы на поэзию, обращенную к теме памяти погибших возлюбленных [Двинятина, 2017: 4].

А.А. Фет воспевал в своих стихах трагическую любовь к Марии Лазич, умершей в 1820 году. Чувства к возлюбленной пронизывают творческий путь поэта:

«Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.
Та трава, что вдали, на могиле твоей,
Здесь, на сердце, чем старее оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.
У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!» [Фет, 1892: 80].

Эти трогательные строки Афанасий Афанасьевич посвятил Марии в 1892 году перед своей смертью. Это показывает, что поэт хранил любовь к девушке до последнего вздоха.

Мотив загробного свидания воплощается в бунинском «Морфее». Заглавие отсылает читателя к образу древнегреческого бога сновидений Морфея. С первых же строк становится понятно, что в стихотворении воплощается мотив смерти. Об этом в самом начале свидетельствует маковый венок. Смерть раскрывается через образ сна. Морфей словно призывает лирического героя принять его объятия и «утопиться» во снах, где нет мучений и страданий. Можно сказать, что смерть представлена как миротворец, освобождающий от земных трудностей и проблем, и приглашающая насладиться покоем и умиротворением. Однако лирический герой страшится смерти. Но есть то, над чем смерть не властвует – это любовь. Произведение пронизывает также любовная тема: «кем бог нас разделил могильною чертой» [Бунин, 1922: 91]. Этим Бунин показывает, что любовь сильнее. Она способна жить после смерти.

Рассмотренная нами тема звучит в других произведениях Бунина. Например, в романе «Жизнь Арсеньева». После смерти возлюбленной, Лики, герой признается: «Недавно я видел ее во сне—единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» [Бунин, 1930: 248].

Героиня погибла от воспаления легких. Но, несмотря на это, главный герой бережно хранил в памяти ее светлый образ.

Здесь мы также обнаруживаем мотив загробного свидания. Возлюбленная приходит к Алексею во сне.

Обратимся к исследованию В. Катаева «Живительная сила памяти. “Антоновские яблоки” И. Бунина». Анализ «Антоновских яблок» показал

стремление Бунина выразить красоту окружающего мира. Такое мироощущение сближает писателя с Фетом [Катаев, 1983: 205]. Герой защищает позицию поэта: «Это Фет? У него вообще слишком много описаний природы. Я негодовал: описаний! – пускался доказывать, что нет никакой отдельной от нас природы, что каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни» [Бунин, 1900: 63].

Действительно, единство с природой – краеугольный элемент произведения. Пейзаж здесь не просто фон, а неотъемлемая часть тематического и эмоционального ландшафта рассказа.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В ходе работы над данной главой выяснена тесная связь творчества И.А. Бунина с русской классической литературой. Для этого нами было проанализировано влияние на формирование поэтического мира И.А. Бунина следующих русских писателей XIX века: А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.А. Фета. Анализ позволил нам сделать вывод о том, что писатели-классики внесли неоценимый вклад в творческое сознание Бунина, сформировали его эстетический вкус и определили дальнейшие пути развития творчества писателя. Влияние мастеров слова отразилось в работах Бунина через его внимание к моральным и этическим вопросам, глубокий психологизм персонажей, мастерство описания природы и мастерство в построении сюжета.

Были рассмотрены личные документы, письма и мемуары И.А. Бунина. Сведения в личных бумагах писателя дают ценную информацию о его восприятии текстов Фета. Результаты показали, что стихи Фета входят в эпистолярный Бунина и становятся языком общения. Автор «Тёмных аллей» цитировал стихотворения поэта в своих письмах для выражения своих мыслей и чувств.

Наконец, были изучены литературная критика бунинской рецепции А.А. Фета. Нами были рассмотрены следующие литературно-критические статьи: К.П. Медведский «Новые лауреаты Академии наук», О.В. Михайлов «Алексеевич Бунин: очерк творчества», Т.М. Двинятина «Заметки о поэзии Бунина начала 1920-х годов», В. Катаев «Живительная сила памяти. “Антоновские яблоки”».

Результаты показали, что Бунин создает свой стиль, но в его произведениях чувствуются элементы классической традиции. Многие критики наблюдают воздействие фетовской традиции на формирование поэтического мастерства писателя. Однако писатель не просто

«переписывает» произведения своего предшественника, а создает свой уникальный текст.

ГЛАВА 2. ФЕТОВСКИЙ СЛЕД В ЛИРИКЕ И ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

2.1. Пейзажная лирика А.А. Фета и И.А. Бунина: компаративный аспект

А.А. Фет, один из крупнейших русских лириков, в своих стихотворениях описывает прекрасные и живописные пейзажи России. Он создает образы живой природы, отражая ее яркие краски и звуки, тихую гармонию и непостижимую красоту. В творчестве поэта природа часто выступает как символ любви, мечты и душевного возвышения.

Изображение природы – важнейшее слагаемое художественного мира произведений И.А. Бунина. На раннем этапе своего творческого пути И.А. Бунин посвящает свои лирические стихотворения русскому пейзажу. Писатель высоко ценил красоту природы и умел воссоздавать ее образы в своих произведениях. С точки зрения Двинятиной, пейзажная лирика Бунина создала славу писателю как продолжателю классических традиций [Двинятина, 1999: 100].

Детство И.А. Бунина прошло в сельской местности. С ранних лет будущий писатель наблюдал красоту русской природы, которая вдохновляла его на творчество. Он видел незатейливую жизнь крепостных крестьян, которые работали в поле и пасли стада. Люди сливались с природой и становились ее частью: «Лет с семи началась для меня жизнь, тесно связанная в моих воспоминаниях с полем, с мужицкими избами... Чуть не все свободное от учения время я, вплоть до поступления в гимназию, да и приезжая из гимназии на каникулы, провел в ближайших от Бутырок деревушках, у наших бывших крепостных и у однодворцев. Явились друзья, и порой я по целым дням стерег с ними в поле скотину... Зато необыкновенно много исписал я бумаги и прочел за те четыре года, что прожил после гимназии в елецкой деревне» [Бунин, 1915, т.6: 365].

Иван Алексеевич в своих произведениях неоднократно описывал быт деревни. В его поэзии мы можем увидеть бережное отношение к родному краю, к прекрасной природе и простому, но трудному деревенскому быту.

Поэзия Фета способствовала воспитанию у Бунина внимания к природе, которое сделало писателя мастером пейзажа.

Поэзия Фета внесла в русскую литературу музыкальность, метафоричность, импрессионистическую образность. Бунин хорошо усвоил эти приемы [Динесман, 1973: 135].

Стихотворение «Майской ночью», которое приводит в пример исследователь, Бунин написал в юности. Оно поражает своей легкостью и воздушностью. Следовательно, с ранних лет будущего писателя интересовало творчество Фета, которое сформировало его эстетический вкус.

В стихотворении И.А. Бунина «На пруде» наблюдаются сходства с «Ласточками» А.А. Фета. Действие в обоих произведениях происходит на пруде: «...следить за ласточкой стрельчатой над вечеряющим прудом...» [Фет, 1887: 115], «Ясным утром на тихом пруде» [Бунин, 1884: 88]. Лирические герои наслаждаются красотой пейзажа. Образ ласточки является аллюзией на строки Фета.

В стихотворении И.А. Бунина «Вечер», написанном в 1909 году, наблюдаются межтекстовые связи со стихотворением А.А. Фета «Вечер». Об этом свидетельствует заглавие. Оба поэта в своих стихотворениях изображают не только красоту природы, но и чувства лирического героя, которые поглощены созерцанием пейзажа. Поэты созидают прекрасное с помощью ярких метафор. У Бунина это: «... воздух, льющийся в окно», «встает, сияет облако» [Бунин, 1909: 216]. Фет описывает свою картину следующим образом: «убегает на запад река», «вздохи дня», «дыханье ночное» [Фет, 1855: 194].

Отличаются стихотворения тем, что А.А. Фет фокусируется на таинственном очаровании природы, тогда как И.А. Бунин описывает свои эмоции и чувства, опираясь на образы и используя яркие краски.

Описания бунинского пейзажа схожи с фетовскими. Например, по наблюдению Т.М. Двинятиной, образные составляющие стихотворения А.А. Фета «Чудная картина...» проявились в стихотворениях «Ночь и даль седая...»:

«Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокый бег» [Фет, 1847: 138]
«Метеор зажжется,
Озаряя снег...
Шорох пронесется –
Зверя легкий бег...» [Бунин, 1896, т.1: 53],

в котором «параллельны *блестящий снег* и *'озаренный снег'*; *метеор зажжется*, скорее всего, в *небесах высоких*, а *бег зверя* – потому как *шорох* – слышится на некотором отдалении *вдалеке*» [Двинятина, 1999: 133].

А также в стихотворении «Вечерний жук»:

«<...>Белая равнина.
Полная луна<...>» [Фет, 1847: 138]
«На лиловом небе
Желтая луна<...>
Лишь луна да небо
Да бледнее льна
Зреющего хлеба
Мертвая страна» [Бунин, 1916, т.1: 325].

«...фонетический комплекс *луна* распылен по всей последней строфе, а фетовской *белой равнине* находится соответствие в *мертвой стране*, которая *бледнее льна*» [Двинятина, 1999: 133].

А.А.Измайлов в статье «Ранняя осень (Поэзия и проза И.А. Бунина)» находит отличительные особенности в поэзии Фета и Бунина. Писатели противоположны друг другу. Фет предпочитает писать о весне. Природа в

его стихах пробуждается, наполняется солнечным светом. Бунин, по мнению исследователя, изображает осень, унылую пору листопада, которая олицетворяет одиночество, запустение, меланхолию [Измайлов, 1913: 201].

«Осень листья темной краской метит, –

Не уйти им от своей судьбы.

Но светло и нежно небо светит

Сквозь нагие черные дубы.

Что-то неземное обещаете

К тишине уводит от забот, –

И опят, опят душа прощает

Промелькнувший, обманувший год» [Бунин, 1905:151].

Фет любил писать о весне, о ее красоте и преобразении природы. В его стихах часто встречались образы цветущих деревьев и пением птиц. Он описывал, как приход весны пробуждает в людях чувство радости и надежды, как все вокруг наполняется новой жизнью и энергией. Для Фета весна была временем возрождения и вдохновения, и он с удовольствием делился этими чувствами со своими читателями.

Бунин чаще обращался к осенней лирике, которая пронизана чувством утраты и меланхолии. В его стихах можно услышать шепот осенних дождей, шум опадающих листьев и грусть серых небес. Он описывает осень как время ухода и угасания. Осень для Бунина – это время самоотражения и размышлений, время, когда в душе возникают новые чувства и эмоции. В его лирике осень становится символом прощания с прежним и ожидания нового.

Творчество Фета сформировало у писателя пронизательность, умение фокусироваться на деталях пейзажа. Именно оно послужило импульсом для поиска нового, уникального стиля.

Пейзажная лирика Фета достаточно музыкальна. Описания природы часто наполнены мелодичностью, ритмичностью и гармонией, которые создают впечатление звучащей музыки на страницах его произведений. Фет

использует яркие образы, метафоры и ритмические повторения, чтобы передать эмоциональное воздействие природы на чувства читателя.

Сравнивая поэзию Фета и Бунина в статье «Вторая жизнь поэта (Четыре лирических этюда с предисловием и послесловием)» Н.И. Рыленко обращает внимание на то, что стихи Бунина менее музыкальны. Поэт делает акцент на детализации повседневной жизни.

«В полях, далеко от усадьбы
Зимует просяной омет.
Там табуняются волчьи свадьбы,
Там ключья шерсти и помет» [Бунин, 1905: 134].

Стихотворения Фета очень музыкальны. Строки поэта «чистого искусства» словно растворяются, становятся мягкими. Поэзия Бунина более реалистична. Но обоих писателей вдохновляет народное творчество, элементы которого используются ими в пейзажной лирике [Рыленков, 1966: 302]. Мы можем заметить, как Бунин, усваивая опыт своих любимых поэтов, тонко чувствует очарование народных песен:

«Я – простая девка на баштане,
Он – рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на лимане,
Много видел он морей и рек» [Бунин, 1906: 162].

2.2. Библейские мотивы в творчестве А.А. Фета и И.А. Бунина

Библейские сюжеты – один из неиссякаемых источников вдохновения для писателей. На протяжении многих веков авторы обращаются к религиозным историям, мотивам и образам, чтобы создавать неповторимые произведения. Литературной реконструкцией библейских сюжетов занимались А.А. Фет и И.А. Бунин.

Несмотря на сдержанное отношение к религии, Фет понимал, что библейские мотивы – богатый культурный пласт, поэтому некоторые произведения поэта были посвящены религиозным темам, которые чаще всего использовались им как способ выражения эстетических и философских идей. В ранней лирике Фета особое место занимали стихотворения, посвященные религиозным аспектам русского быта. Яркий пример – стихотворение «Ворот».

В своих мемуарах изображал народные гуляния. Предаваясь воспоминаниям поэт, описывал православный праздничный день деревни, мимо которой проезжал с отцом. С восхищением наблюдал он за веселыми толпами молодых людей, их лучезарными лицами, расписными нарядами, яркими женскими головными уборами [Фет, 1888: 19].

В своём творчестве Фет обращался к христианским праздникам и обрядам. Яркий тому пример – цикл «Гадания», в котором показан мотив святочных гаданий. Христианство тесно связано с народными традициями. Поэт проводит связь в своих стихотворениях между религией и народными обычаями.

В 1889–1892 годах Иван Алексеевич проживал в Орловской губернии. В этот период занимал должность помощника редактора в газете «Орловский вестник», активно развивал свою творческую деятельность. В письме В.В. Пащенко 14 августа 1891 года Бунин делится впечатлениями о своей деревенской жизни. С теплом описывает осенний день, чарующий запах антоновских яблок, наполняющий воздух. Писатель предаётся воспоминаниям о дедовской усадьбе. Размышляет о крепостном времени, поэтизирует жизнь крестьян. Именно эта атмосфера деревенского быта послужила импульсом для написания «Антоновских яблок».

В рассказе упоминаются православные праздники: праздник св. Лаврентия, бабье лето. В произведении описаны христианские обычаи. Например, выжигание крестов на воротах и саях. В старину это считалось ритуалом, благодаря которому можно обезопасить свое жилище, урожай,

скотину. Бунин использует лексику крестьян: «Авось, бог даст, распогодится» [Бунин, 1900: 408].

Таким образом, христианское мировоззрение Бунина в совершенстве реализуется в данном рассказе.

Некоторые произведения Бунина отражают взгляды на религию и поиск смысла жизни. В его творчестве прослеживается тема жертвы, прощения и вечных ценностей, которые писатель считал основой христианской этики. Одним из центральных мотивов у Бунина был поиск духовной гармонии. Автор также проявлял интерес к восточным религиям и философии, таким как буддизм и индуизм. Он анализировал их учения и часто обращался к ним в поисках ответов на свои вопросы о смысле жизни и человеческого бытия. Религиозные искания Бунина проникали через всю его творческую деятельность и отражали постоянный внутренний диалог с миром духовности.

Заветным желанием писателя было путешествие по Святой Земле. В сборнике дневниковых записей «Устами Буниных» Вера Николаевна делится воспоминаниями о совместных странствиях с Буниным по Палестине, Израилю, Константинополю, Александрии и т.д. Досуг пара проводила за чтением Евангелие. Поездки к святым местам позволили писателю прикоснуться к истории, нетленным ценностям, значимым для цивилизации. Великие святыни облагораживают разум человека, рождают палитру возвышенных чувств. Очевидно, отсюда Бунин черпал вдохновение. Во время путешествия было написано несколько новых стихотворений, а также сонет «Гермон»:

«Великий Шейх, седой и мощный друг,
Ты видишь все: пустыню Джаулана,
Геннисарет, долины Иордана
И божий дом, ветхозаветный Луз.
Как белый шелк, сияет твой бурнус
Над синевой далекого Ливана,

И сам Христос, смиренный Иисус,
Дышал тобою, радость каравана.
В скалистых недрах спит Геннисарет
Под серую стеной Тивериады.
Повсюду жар, палящий блеск и свет
И допотопных кактусов ограды –
На пыльную дорогу в Назарет
Один ты веешь сладостью прохлады» [Бунин, 1907: 196].

Подобные стихотворения показывают, что Бунин тонко чувствовал не только христианскую, но и другие религии. Лексика произведения указывает на то, что автор детально разбирается в исламском учении.

Муромцева-Бунина упоминает, что Иван Алексеевич любил беседовать о Христе. Писатель рассуждал о Христианских проповедях, о которых должны помнить люди в настоящем и будущем. Интересовали Бунина апостолы, среди которых он особенно выделял Петра. Считал главными качествами святого страстность, отрешенность и эмоциональность. Привлекал внимание Бунина апостол Фома, о котором ему хотелось писать.

Особого внимания в творчестве Бунина заслуживают палестинские тексты. В 1907 году писатель вместе с Верой Муромцевой-Буниной отправляются в Палестину. Эта поездка стала главным «паломничеством» Ивана Алексеевича на Ближний Восток. Впечатления от путешествия легли в основу многих произведений, в которых писатель воссоздает историческую атмосферу.

Обратимся к книге Бунина «Тень птицы» (1909 г.). В статье «Книга очерков И.А. Бунина “Храм Солнца”: История текста» исследователи К.В. Анисимов и Е.Р. Пономарев отмечают, что центральное место в замысле книги принадлежит палестинским очеркам [Анисимов, 2023: 240]. В них довольно колоритно Бунин описывает древние царства и храмы.

В очерке «Иудея» Бунин путешествует по Иудейской долине. Автор сравнивает Иудею с могилой.

Писатель восхищается Иерусалимом, который является важнейшим священным городом древней Палестины, центром религиозного и культурного наследия. Каждый уголок этого города пропитан историей и духовностью. Здесь упомянут образ Богородицы. Раскрывается живописная картина некогда цветущих садов, мимо которых проходила Мария с младенцем на руках [Анисимов, 2023: 243].

Глубокое впечатление произвело на писателя посещение храма Гроба Господня и Голгофы. Святое место связано со страданиями Иисуса Христа. Бунин поражен величественной архитектурой храма, древними реликвиями, обстановкой, создающей атмосферу благоговения и трепета.

В очерке «Камень» Бунин делится легендой о скале Мория. Согласно Библейскому сюжету, в этом месте Бог испытал веру Авраама, указав ему принести в жертву своего сына Исаака. Авраам повиновался Господу. Но в последний момент ангел остановил его и предложил принести в жертву барана.

Этот эпизод из Библии символизирует веру и послушание перед Богом, а также олицетворяет жертвенную любовь отца к сыну. Скала Мория стала местом поклонения и памяти этого события, которое знаменует преданность верующих. Эта история частично предвосхищает жизнь Иисуса Христа, который также был предан в жертву во имя спасения людей. Камень Мория стал символом благочестия, жертвенности и Божьего милосердия для верующих всех времен и конфессий.

Таким образом, в очерке «Тень птицы» Бунин описывает свое погружение в историю. Нельзя не отметить эрудированность автора в библейских событиях, понимание Ветхого Завета. Бунин с легкостью узнает священные места, которые вызывают в нем трепет и восторг. Писатель настолько реалистично описывает свое путешествие, что у читателя создается ощущение присутствия в древних городах.

Во время путешествия Бунина в Палестине зародился замысел рассказа «Роза Иерихона», написанный в 1924 году. Согласно легенде, название цветку дал преподобный Савва. Роза Иерихона была способна пробуждать жизнь и процветать там, где раньше царила лишь засуха, смерть и опустошение. Растение стало символом надежды и возрождения.

Любовь к Богу Бунин часто выражал в поэзии. Например, в стихотворении «Бог»:

«А бог был ясен, радостен и прост:
Он в ветре был, в моей душе бездомной —
И содрогался синим блеском звезд
В лазури неба, чистой и огромной» [Бунин, 1908: 221].

Бунин наблюдает тесную связь между природой и божественным началом. Бог проникает во все сферы жизни и придает им смысл и цель. Его светлый образ видится во всем окружающем: в ветре, в звездах, в небе. Присутствие Бога лирический герой чувствует даже в своей душе.

В творческом наследии писателя фигурирует тема Апокалипсиса. В начале двадцатого столетия в стране нарастает революционное движение. Популярность набирает идея ликвидации монархии. Гроза приближающейся революции, которая несет в себе разруху, кровь, насилие, растерянность и непонимание, ассоциируется у Бунина с Апокалипсисом. Обратимся к строкам «Из Апокалипсиса»:

«Стоял престол, на нем же был Сидящий. И сей Сидящий, славою сияя,
Был точно камень яспис и сардис,
И радуга, подобная смарагду,
Его престол широко обняла. И вокруг престола двадесять четыре
Других престола было, и на каждом
Я видел старца в ризе белоснежной
И в золотом венце на голове. И от престола исходили гласы,
И молнии, и громы, а пред ним —

Семь огненных светильников горели,
Из коих каждый был Господний Дух» [Бунин, 1901: 91].

Образ сидящего на престоле Бога-Творца схож с образом из фетовского «Аваддона»:

«Ангел, и лев, и телец, и орел —
Все шестикрылые — держат престол,
А над престолом, над тем, кто сидит,
Радуга ярким смарагдом горит.
Молнии с громом по небу летят,
И раздается из них: “Свят, свят, свят!”» [Фет, 1883: 221].

Мотив божьего могущества интерпретируется у обоих авторов через молнии и громы. В качестве источника для реконструкции апокалипсического сюжета мастера пера используют образы из псалмов.

По библейскому сюжету после Апокалипсиса наступает период расцвета. И символом этой новой эры являются радуга и исцеляющие камни яспис, сардис.

Тема Апокалипсиса раскрывается у Бунина в стихотворении «Мать». Картина здесь символизирует катастрофу: буран, занесенные снегом хутора, мертвый дом.

С.Н. Колосова в своем исследовании «Образ Божьей матери у И.А. Бунина (рассказ “Преображение”, стихотворение “Мать”）」 сравнивает лирическую героиню с Богородицей [Колосова, 2010: 6].

«И мать всю ночь ходила там,
Глаз до рассвета не смыкая.
Она мерцавшую свечу
Старинной книгой заслонила
И, положив дитя к плечу,
Все напевала и ходила...» [Бунин, 1893: 42].

Материнская любовь, забота, самоотверженность, дает веру в спасение. Образ матери олицетворяет заступницу человечества.

Аллюзии, связанные с образом Божьей Матери, наблюдаются в стихотворении «Летняя ночь» (1912 г.). С первых строк мы видим мать, оберегающую своего сына. Героиня, охраняющая спокойствие ребенка подобна иконописному образу Богородицы, оберегающей человеческий род от стихийных бедствий и катастроф.

Кроме того в стихотворении отражается воззрения Бунина о бесконечности мироздания. Каждый момент жизни человека представляет собой особую ценность в перспективе вечности:

«Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звезд подобна ты порой!» [Бунин, 1912: 13].

Человек представлен здесь как лучшее творение Бога. Эта мысль сближает произведение со стихотворением Фета «На стоге сена ночью южной...»:

«Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь» [Фет, 1857: 212].

Перед лирическим героем открывается панорама ночного неба. «Хор светил» погружают наблюдателя в размышления о месте человека в мироздании.

Библейскую тематику Бунин развивает в романе «Жизнь Арсеньева». Значимое место в христианской идеологии занимает идея бессмертия души. Тема смерти красной нитью пронизывает весь роман: «Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с Ним (и с

лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери). Соединено с Ним было и бессмертие. Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, не взирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна»[Бунин, 1930: 23].

Бог здесь выступает в качестве создателя всего земного, в том числе как некая сверхъестественная сила, которая пишет судьбу человека не только на земном этапе его существования, но и определяет его место в Царствие Божьем. Смерть – это неизвестность, которая страшит человека на протяжении всей его жизни. Религия вселяет в людей надежду в бессмертие.

«Вечером в тихих и розовых весенних полях слышалось отдаленное, но все приближавшееся и все повторявшееся с радостной настойчивостью: “Христос воскрес из мертвых”– и через некоторое время показывались “Христоносцы”, молодые мужики без шапок и в белых подпоясках, высоко несшие огромный крест, и девки в белых платках, – эти несли в чистых полотенцах церковные иконы» [Бунин, 1930: 24].

Бунин проводит параллель; как воскрес Христос, так и душа человека после смерти может возродиться.

Ранее тема бессмертия души раскрывал в своей лирике Фет:

«Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь – базар крикливый бога,
То только смерть – его бессмертный храм»[Фет, 1878:97].

В стихотворении смерть рассматривается как путь к Богу.

2.3. Стихи А.А. Фета в лирической прозе И.А. Бунина

В рассказе И.А. Бунина «Лёгкое дыхание», написанном в 1916 году, наблюдается множество межтекстовых связей и литературных аллюзий, в том числе на творчество А.А. Фета. В тексте упоминается однажды фамилия гимназиста Шеншина, которая является отсылкой на Фета. Дело в том, что поэт до четырнадцати лет носил фамилию отца – Афанасия Шеншина. Имя героя «подсказывает, в контексте других отсылок к Фету, литературный источник заглавия рассказа – стихотворение “Шепот, робкое дыханье...”» [Жолковский, 1994]. «Незаметно стала она девушкой, и незаметно упрочилась ее гимназическая слава, и уже пошли толки, что она ветрена, не может жить без поклонников, что в нее безумно влюблен гимназист Шеншин, что будто бы и она его любит, но так изменчива в обращении с ним, что он покушался на самоубийство» [Бунин, 1988, т. 4: 95].

По наблюдению О.С. Роциной, «<...> использование фамилии Шеншин в контексте кривотолков может прочитываться еще и как знак прозаизации, быта в противовес опозитизированной Буниным вполне в духе фетовской лирической традиции героине рассказа» [Роцина, 2011]. В стихотворении «Шепот, робкое дыханье...» ярко, тонко, эмоционально отражены переживания героев:

«Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,

И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..» [Фет, 1959: 211]

Яркая палитра чувств свойственна и Оле Мещерской: «...в пятнадцать она слыла уже красавицей» [Бунин, 1988, т. 4: 94].

Тонкая отсылка на А.А. Фета рассчитана на грамотного, эрудированного читателя, знатока русской литературы XIX в., который способен провести образные параллели между героем рассказа Бунина и А.А. Фетом.

Стихотворение Фета безглагольно, Бунин же строит свой рассказ как бессобытийный, смещает фокус с события на признаки, состояния, дает схожие кумулятивные ряды объектов. Отсутствие глаголов в тексте создают иллюзию легкости, воздушности, образности.

«Лирическая» проза Бунина и рассказ «Легкое дыхание», в частности, также являются произведениями, в которых вроде бы ничего не происходит: о том, что Оля Мещерская умерла, становится известно уже на первой странице текста: «На кладбище над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий. Апрель, дни серые; памятники кладбища, просторного, уездного, еще далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у подножия креста. В самый же крест вделан довольно большой, выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне – фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами. Это Оля Мещерская» [Бунин, 1988, т. 4: 94].

Отсутствие финальной интриги акцентирует внимание читателя на концепте «легкости». Концепты легкости, полета, дыхания связаны с идеей универсальности мира.

Лейтмотив легкого дыхания, ветра, дуновения «превращается в вечную и бессмертную мировую душу, растворяясь в “этом” мире, “апрельском ветре”, о которых читатель должен не столько узнать (никакого сюжетно-

информационного значения эти образы не имеют), сколько увидеть, почти телесно ощутить» [Анисимов, 2016: 85].

В 1944 году И.А. Бунин написал трогательный рассказ «Холодная осень», включенный в сборник «Тёмные аллеи», о драматичной судьбе двух влюбленных. Для того чтобы найти ключ к пониманию рассказа И.А. Бунина «Холодная осень», необходимо проанализировать межтекстовые связи произведения со стихотворением А.А. Фета «Какая холодная осень!..», отсылка к которому, как и в «Легком дыхании», дана в заглавии.

Не случайно писатель дает своему произведению такое название. Осень символизируется с увяданием. «Холодная осень – это приготовление к смерти, которая может соединить рассказчицу с любимым» [Кириллов, 2016: 68]. Название рассказа является повторением первой строки стихотворения А.А. Фета.

«Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот;

Смотри: из-за дремлющих сосен

Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи

Я помню всегда близ тебя,

И светят фосфорные очи,

Да только не греют меня» [Фет, 1959: 455].

Цитатное заглавие задаёт тон рассказу с самого начала. В ходе повествования фетовский образ «холодной осени» развивается с помощью тематико-композиционной основы и словесных рядов, которые образуют языковую композицию рассказа [Горшков, 2008: 152].

Например, чтобы изобразить внутреннее состояние героев, автор вводит описательные подробности, связанные с образом «холодной осени»: «мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и

чувства» [Бунин, 1988, т. 5: 431]; «с притворной простотой сказал отец и про осень» [Бунин, 1988, т. 5: 431].

Для выражения своих чувств жених воспользовался строчками стихотворения Фета: «он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета <...> Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах. “Надень свою шаль и капот...”» [Бунин, 1988, т. 5: 432]. Межтекстовая связь, в данном случае говорит о том, что «одно словесное произведение может явиться не только толчком, импульсом к созданию другого словесного произведения, но и тематической и композиционной основой для него» [Горшков, 2008: 89].

Бунин, наводя на трагическую развязку, при цитировании стихотворении заменяет строку «Смотри: из-за дремлющих сосен» на «Смотри – меж чернеющих сосен». Проявляя заботу о героине-рассказчице, герой предлагает «надеть шаль и капот» [Бунин, 1988, т. 5: 432].

М.В. Кириллов в своем исследовании «Межтекстовые связи в композиции рассказа И.А. Бунина “Холодная осень”» отмечает, что фрагмент текста, где сочетание слов, изображающих конкретные события, а также слов из стихотворений, представляет собой “параллельную” межтекстовую связь. [Кириллов, 2016: 68].

Бунин меняет смысл слов стихотворения Фета в рассказе. Когда героиня спрашивает, о каком пожаре говорится в стихах, герой объясняет: «Восход луны, конечно» [Бунин, 1988, т. 5: 432]. Благодаря этому смягчается тревожный подтекст произведения.

В рассказе Бунина слово «пожар» приобретает новый смысл. Предметно-логические словесные ряды становятся эмоционально-экспрессивными. За счет этого произведение обретает трагическое содержание.

Лирическое стихотворение в рассказе Бунина дополняется историческими аллюзиями: восстает не просто пожар утренней зари, а социальных и политических катастроф, которые разрушают жизнь героини,

включаются мотивы холода, памяти, образ блестящих глаз, детали гардероба героини.

Обратимся к образу звезд в рассказе. В одном отрывке «ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды» [Бунин, 1988, т. 5: 431], в другом «минерально блестящие звезды» [Бунин, 1988, т. 5: 432]. Отсюда мы видим, что во втором отрывке подробности смягчаются.

В финале героиня рассуждает о том, что было хорошего в её жизни. Она приходит к выводу, что единственным приятным воспоминанием был холодный весенний вечер, проведенный с возлюбленным: «И я верю, горячо верю: где-то там он ждет меня – с той же любовью и молодостью, как в тот вечер» [Бунин, 1988, т. 5: 434]. В этом рассуждении мы видим отзвук отслеживаемого образа «холодной осени».

В стихотворениях А.А. Фета развивается тема о двойственном лице любви, граничащей со страхом. Фетовские мотивы развиваются в повести И.А. Бунина «Митина любовь».

А.Р. Лукинова в статье «Развитие мотивов в лирике А.А. Фета в XX веке» на примере повести «Митина любовь» показывает идею симбиоза любви и смерти, а также мысль об угрозе, таящейся за приветливой внешностью. Эти мотивы станут предметом философских рассуждений Бунина. Главный герой, оказавшись под властью великой любви, познает разочарование. Он сталкивается с изменами, предательствами, расставанием с любимой ввиду меркантильного расчета. Страдания от неразделенной любви приводят его к самоубийству. Перед Митей предстают два образа Кати: очаровывающий его, милый, нежный, второй, безобразный облик продажной женщины, который предстает перед ним во сне после, как герой убедился в измене [Лукинова, 2016: 34].

Мотив вины перед любовью свойственен поэзии А.А. Фета и связан с биографией поэта. Ранее нами была упомянута трагическая история любви Фета и М. Лазич. Конец их истории наступил, когда Мария скончалась. Фет был раздавлен горем, его стихам была свойственна глубокая скорбь и тоска

по утраченной любви. Смерть возлюбленной стала для Фета настоящим ударом. В стихах поэта после ее ухода звучит мотив невосполнимой утраты и скорби. Фет посвящал девушке свои произведения. Ее образ стал символом прекрасного и недостижимого. История любви Фета и Марии Лазич – это не только трагедия, но и свидетельство того, что любовь может вдохновлять, дарить силы, оставаться живой даже в сердце разбитого человека. Эта история, полная боли и утраченной любви, стала символом трагической, но прекрасной симфонии жизни.

Впоследствии отказ от любви становится важной темой в творчестве И.А. Бунина. В стихотворении «Светил нам день, будя огонь в крови...» мы видим мотив вины перед любовью:

«Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится» [Фет, 1887: 115].

В стихотворении мотив вины перед любовью реализуется благодаря признанию влюбленных в пренебрежении своими чувствами друг другу. Об этом свидетельствует фраза: «счастья взрыв мы промолчали оба» [Фет, 1887: 115]. Лирическому герою приходит осознание того, что отказ от любви лишает жизнь смысла. Наступает смерть при жизни.

Данная тема пронизывает любовную лирику Бунина. Наиболее широко раскрывается в рассказе «Чаша жизни». Действие разворачивается летом в городе Стрелецк, в котором проживает дочь заштатного священника, Саня Диесперова. К девушке испытывает искренние чувства семинарист Кир Иорданский, приехавший в город на каникулы. Героиней симпатизирует, но в то же время Александру пугает внешний вид и молчаливая любовь поклонника.

Знаки внимания к Сане также проявляет консисторский служащий Селихов. Но в отличие от Иорданского ухаживает за ней от скуки. Селихов

производит впечатление приятного молодого человека. Герой довольно приветлив, остроумен, любезен.

Спустя время Александра Васильевна вышла замуж за Селихова. Но женщина чувствовала печаль и тоску. Муж стал совершенно равнодушен к ней, перестал уделять внимание. Судьба развела героиню с Иорданским по разным дорогам. Кир стал протоиереем. Супруг запретил героине видеться с ним.

Таким образом, в произведении каждый герой устанавливает свои жизненные ориентиры, ставит перед собой цели, к которым будет стремиться. Заветное желание главной героини Сани Диесперовой – обрести собственный дом. Выйдя замуж за Селихова, она получает желаемое. Однако счастливее женщина не становится. Воспоминания возвращают ее в давнее лето. Героиня чувствует, что упустила истинную любовь, схоронила ее в своем сердце. Судьба свела Александру Васильевну с нелюбимым человеком. Данный мотив сближает рассказ с фетовским стихотворением «Светил нам день, будя огонь в крови...» [Лукинова, 2016: 33].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Таким образом, мы проанализировали лирику А.А. Фета и стихотворения и лирическую прозу И.А. Бунина в рецептивном аспекте. Нам удалось сравнить стихотворения и прозу, увидеть в нарративных текстах Бунина следы фетовских стихотворений. В прозе И.А. Бунина нами были найдены межтекстовые связи с произведениями А.А. Фета.

В ходе работы была изучена литературная реконструкция библейских сюжетов писателей. Цикл «Гадания», стихотворение «Ворот» Фета, а также рассказ «Антоновские яблоки» Бунина посвящены религиозным аспектам русского быта. В творческом наследии писателей фигурирует тема Апокалипсиса, воплощающаяся в стихотворениях «Из Апокалипсиса» и «Аваддон». Аллюзии, связанные с образом Божьей Матери, наблюдаются в «Летней ночи» Фета и в стихотворении «Мать» Бунина. В романе «Жизнь Арсеньева» и в произведении А.А. Фета «Смерть» затрагивается тема бессмертия души.

Мы выяснили, что в рассказах И.А. Бунина есть аллюзии на личность и творчество А.А. Фета. Фамилия гимназиста Шеншина в «Легком дыхании», а также само название рассказа, являются отсылкой на родовое имя поэта и его стихотворение «Шепот, робкое дыханье...», которое зашифровано в названии рассказа (Легкое дыхание // робкое дыханье). Лейтмотив ветра, дыхания, дуновения свойственен этим произведениям Фета и Бунина.

Нами были проанализированы межтекстовые связи рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» со стихотворением А.А. Фета «Какая холодная осень!..». Писатель в «Темных аллеях» использует свой излюбленный прием, когда персонажи цитируют по памяти стихи классиков. В проанализированных текстах Бунин «переписывает» стихи Фета в своих прозаических миниатюрах. Стихотворения классика становятся тем вторым планом, на фоне которого необходимо прочитывать «Легкое дыхание» и «Холодную осень».

Нами были обнаружены фетовские мотивы, развивающиеся в повести И.А. Бунина «Митина любовь» и в рассказе «Чаша жизни».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в данном исследовании нам удалось наметить подходы к изучению рецепции лирики А.А. Фета в творчестве И.А. Бунина.

В ходе работы мы проанализировали влияние творчества А.А. Фета на формирование поэтического мира И.А. Бунина. Были рассмотрены личные документы, письма и мемуары И.А. Бунина, а также литературная критика бунинской рецепции А.А. Фета. Благодаря этому мы выяснили, что И.А. Бунин занимался «переписыванием классики» (термин Ю.М. Лотмана) с целью создания своего авторского высказывания на одну из уже существующих классических тем, причем делал это так, что восприятие бунинского текста предполагает рассмотрение его «версии» на фоне текста предшественника.

Мы проанализировали пейзажную лирику И.А. Бунина и А.А. Фета. Нам удалось сравнить стихотворения поэтов и выявить фетовский след в лирике автора «Темных аллей».

Нами были рассмотрены библейские мотивы в творческом наследии писателей.

В лирической прозе И.А. Бунина нами были найдены межтекстовые связи с произведениями А.А. Фета. Мы изучили аллюзии на А.А. Фета в рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» и определили межтекстовые связи рассказа «Холодная осень» со стихотворением «Какая холодная осень!...». Выяснили, что фетовские образы «робкого дыхания» и «холодной осени» развиваются в рассказах в повествовательном ключе, но при этом сохраняют лиризм. Нами были обнаружены фетовские мотивы, развивающиеся в повести И.А. Бунина «Митина любовь» и в рассказе «Чаша жизни».

Исследование позволило прийти к выводу, что для Бунина, обладающего выраженным поэтическим мышлением, первостепенное значение приобретали поэты-классики – Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет. Для создания «прозы поэта», т.е. прозы, построенной по принципу

лирического текста, особую роль играла так называемая чистая лирика. То есть стихотворения, фокусирующиеся не на идеях и событиях, а на эмоциях, чувствах и состояниях. То есть на всём том, что О.В. Сливацкая назвала «повышенным чувством жизни». А уже через чувство Бунин создает систему исторических и культурных аллюзий, погружает частный случай в координаты большой истории, как, например, происходит в «Холодной осени». Еще одним важным наблюдением является взаимосвязь биографического сюжета Фета с Марией Лазич и мотива вины перед оставленной любовью, рационального выбора, который осуществляют бунинские персонажи (например, в рассказе «Тёмные аллеи»).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.А. Фет и русская литература: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения А.А. Фета (Курск–Орел, 1–5 июля 2000 г.). Курск: Изд-во Кур. гос. пед. ун-та, 2000. 366 с.
2. Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 218–253.
3. Анисимов К.В. Пасхальные мотивы в рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 83–94.
4. Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск: СФУ, 2016. 468 с.
5. Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457 с.
6. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии (1870–1917). М.: Художественная литература, 1967. 332 с.
7. Баратынский Е.А. Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 1981. 738 с.
8. Барышникова И.Ю. Роль христианской символики в поэтическом описании сидящего на престоле Творца (Откр. 4, 2–11) (на примере произведений В.А. Жуковского, А.Н. Майкова, И.А. Бунина, А.А. Фета) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 392–397.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
10. Благой Д.Д. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А.А. Фета. М.: Художественная литература, 1975. С. 58.
11. Богданова О.А. Семиотика аллеи, «где кружат листья»: Тургенев, Гумилёв, Бунин // Проблемы исторической поэтики. 2019. № 2. С. 233–254.

12. Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т.9. М.: Воскресенье, 2006. С. 299–309.
13. Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.
14. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005.
15. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Художественная литература, 1987–1988.
16. Бунин И.А. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. Материалы / под ред. Милицы Грин: в 2 т. М.: Посев, 2005.
17. Бунин И.А. Pro et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2001. 663–642 с.
18. Вершины: Кн. о выдающихся произведениях рус. лит. / Сост. и общ. ред. В. И. Кулешова. М.: Детская литература, 1983. 430 с.
19. Выгодский Д.И. Поэзия и поэтика: (Из итогов 1916 г.) // Летопись. 1917. № 1. С. 248–258.
20. Выготский Л.С. «Легкое дыхание» // Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. С. 186–207.
21. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики: Авторский сборник. СПб: Азбука, 2001. С. 27–42.
22. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. / [Под ред. с предисл. М. Лифшица, с. I–XVI]. М.: Искусство, 1968–1973.
23. Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Изд-во Лит. института им. А.М. Горького, 2008. 544 с.

24. Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина и акмеизм: сопоставительный анализ поэтических систем: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 1999. 187 с.
25. День поэзии. М.: Советский писатель, 1966. 304 с.
26. Дзущева Н.А. Любовь в художественной интерпретации К.Л. Хетагурова и русских поэтов: А.К. Толстого, А.А. Фета, А.Н. Апухтина, И.А. Бунина, А.А. Блока // Осетинская филология: Современность и традиции: Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. С. 47–57.
27. Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Литературное наследство: в 2 кн. / гл. ред. В.Р. Щербина. М.: Наука, 1973. Т. 84, кн. 2. С. 121–138.
28. Долгополов Л.К. На рубеже веков: О рус. лит. конца XIX – нач. XX вв. Л.: Сов. писатель, 1977. 366 с.
29. Есикова Н.Д. Стихотворение А. Фета как ключ к характерам бунинских героев в рассказе «Холодная осень» // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции, Елец, 20–21 сентября 2018 года. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. С. 74–81.
30. Жаплова Т.М. Символизация, метафоризация в усадебной лирике Ивана Бунина и К.Р. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11(36). С. 83–90.
31. Жемчужный И.С. Стихи А. Фета в контексте рассказа И. Бунина «Холодная осень» // А.А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества / Отв. ред. Г.Е. Голле. Курск: Курский государственный педагогический университет, 1994. С. 139–144.
32. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб.: С.-Петербургский государственный университет, 1996. 375 с.
33. Жолковский А.К. «Легкое дыхание» Бунина – Выготского семьдесят лет спустя // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: ЯСК, 1994. С. 103–120.

34. Завьялова Е.Е. Переложения из апокалипсиса в русской лирике 1880–1890-х годов // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2006. № 3. С. 318–327.
35. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. В. Р. Щербина (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1973. Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. 1973. 696 с.
36. Изер В. К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 7–21.
37. Изер В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание // Академические тетради. 1999. Вып. 6. С. 59–96.
38. Измайлов А.А. Пестрые знамена: Лит. портреты безвременья: Мережковский. Бальмонт. Блок. Арцыбашев. Амфитеатров. Бунин. Будищев. Вячеслав Иванов. Гиппиус. Чириков. Ремизов. Вересаев. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. 231 с.
39. Капинос Е.В. Элегический сюжет рассказа И. Бунина «Несрочная весна» // Филологический класс. 2008. №20. С.84–88.
40. Катаев В. П. Трава забвенья / Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Детская литература, 1967. 222 с.
41. Кириллов М.В. Межтекстовые связи в композиции рассказа Бунина И.А. «Холодная осень» // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2016. № 3. С. 65–69.
42. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е–1950-е годы): Антология / общ. ред: Н.Г. Мельников. М. : Книжница: Русский путь, 2010. 928 с.
43. Климова Г.П. Художественная система И. А. Бунина в контексте русской классической литературы // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. №1. С. 85–88.

44. Колосова С.Н. Образ Божьей матери у И. А. Бунина (рассказ «Преображение», стихотворение «Мать») // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 336–342.
45. Косицына Н.О. Религиозный компонент языковой картины мира А.А. Фета // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3. С. 127–134.
46. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Последняя любовь Бунина. М.: Астрель, 2010. С. 379 с.
47. Лекманов О. Две заметки о «Легком дыхании» И. Бунина // Лекманов О. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. С. 217–221.
48. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
49. Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. С. 742–778.
50. Лукинова А.Р. Развитие мотивов лирики А.А. Фета в XX веке // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сборник материалов III Международной научно-практической конференции: в 2 т. Кемерово, 10–11 августа 2016 года. Кемерово: ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2016. С. 32–35.
51. Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. М.: Посев, 1994. 432с.
52. Марченко Т.В. Переписать классику в эпоху модернизма: о поэтике и стиле рассказа Бунина «Натали» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2010. Т. 69. № 2. С. 25–42.
53. Медведский К.П. Современные поэты: Крит. очерки. СПб.: Ред. газ. «День», 1889. 192 с.
54. Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин: очерк творчества. М.: Наука, 1967. 174 с.

55. Морозов М. И.А. Бунин в переписке близких // Сибирские огни. 1990. № 12. С. 168—173.
56. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 1989. 507 с.
57. Пожиганова Л.П. Мир художника в прозе Ивана Бунина 1910-х годов. Белгород: Издательство Белгородского университета, 2005. 208 с.
58. Пономарев Е.Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Рус. лит. 1998. № 1. С. 109—119.
59. Поэтический строй русской лирики / ред. Г.М. Фридлиенлер. Л.: Наука, 1973. 352с.
60. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения 1927–1836 гг. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 553 с.
61. Пчелов Е.В. Род Буниных в российской культуре и науке // И.А. Бунин и русская культура XIX – XX веков: Тез. междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения писателя (11–14 октября 1995 г.). Воронеж: Квадрат, 1995. С. 3–4.
62. Рощина О.С. К интерпретации рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание» // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 53– 59.
63. Рыленков Н.И. Вторая жизнь поэта: (Четыре лир. этюда с предисл. и послесл.) // День поэзии. М.: Русская Христианская гуманитарная академия, 1966. С. 299–307.
64. Саянов В.М. Фет, Бунин, Фидлер: (К вопросу о новаторстве) // Саянов В.М. Статьи и воспоминания. Л.: Советский писатель, 1958. С. 299–307.
65. Скидан А. Ребенок-внутри. Еще раз о «Легком дыхании» // Скидан А. Сумма поэтики. М.: НЛЮ, 2013. С. 225–239.
66. Сливицкая О.В. Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина) // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. К 125-

летию со дня рождения писателя: межвузовский сборник науч. трудов. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 5–34.

67. Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.

68. Тагавердиева З.Р. Библейские мотивы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 3. С. 18–21.

69. Теория литературных жанров: учебное пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа; под ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 256 с.

70. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тamarченко. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

71. Тимофеев Л.И. Лирика // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 208–213

72. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Л.: Гос. изд., 1925. 334 с.

73. Фет А.А. Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. Т. 197. С. 19–21.

74. Фет А.А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1986. 750 с.

75. Фет А.А. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Художественная литература, 1982.

76. Шатин Ю.В. Скрытый мотив «Легкого дыхания» И.А. Бунина // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2. С. 49–52.

77. Шкловский В. «Митина любовь» Ивана Бунина // Новый ЛЕФ. 1927. № 4. С. 43–45.

78. Щербенок А. Бунин // Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература: От риторики текста к риторике истории. М.: НЛО, 2005. С. 115–126.

79. Эгеберг Э. Библейские мотивы в лирике А. А. Фета // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 250–253.

80. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

81. Яусс Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97–106.

82. Meyers kleines Lexikon Kunst / Hrsg. von der Red. für Kunst des Bibliogr. Inst.; Miteiner Einl. von Manfred Wundram. Mannheim etc.: Bibliogr. Inst., Cop. 1986. 540s.

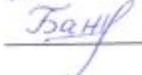
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
К.В. Анисимов
« 27 » июня 2024г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.01 Филология

ЛИРИКА А.А. ФЕТА В РЕЦЕПЦИИ И.А. БУНИНА

Научный руководитель д-р филол. наук, доц. Е.Е. Анисимова
Выпускник А.С. Одинцова
Нормоконтролер канд. филол. наук, доц. Я.В. Баженова